

## Сравнительный Анализ Повести А. П. Чехова «Степь» и Рассказа В. Г. Распутина «Век живи – век люби»\*

Лю Хуан-синь\*\*

### Аннотация

Процесс интуитивного постижения закономерностей бытия и существования личности – один из основных объектов изображения в творчестве А. П. Чехова. Писателя всегда интересовали не столько явления реального мира, сколько формирование представлений о них в человеческом сознании.

Подобный гносеологический взгляд на действительность характерен и для творчества В. Г. Распутина (не случайно современники называли его «сибирским Чеховым»). В этом смысле сопоставление повести Чехова «Степь» (1888) и рассказа Распутина «Век живи – век люби» (1982), – произведений, написанных в разное историческое время и разными по дарованию писателями, – является правомерным и продуктивным.

Помимо нравственно-философской проблематики, повесть Чехова и рассказ Распутина объединяет сюжет – "путешествие" (в первом случае – это поездка в город, во втором – в тайгу), главный герой (у Чехова это 9-летний мальчик Егорушка, у Распутина – 15-летний подросток Саня), внешняя "бессобытийность" (для писателей важнее показать внутреннюю жизнь героев), особый подход к изображению природы (параллелизм между повествовательными и описательными элементами), исповедальная манера повествования, а также символические образы, метафорические сравнения и описания.

**Ключевые слова:** А. П. Чехов, В. Г. Распутин, человеческое сознание, гносеологический взгляд

---

\* 本文 2008 年 6 月 17 日到稿，2008 年 10 月 8 日审查通过。

\*\* Ассистент профессора факультета русского языка Тамканского университета.

## Comparative Analysis of A. P. Chekhov's "Steppe" and V. G. Rasputin's "You live and love"\*

Liu Huang-Shing \*\*

### Abstract

The process of self-consciousness and the regularity of living of human being could be considered as an essential topic in A. P. Chekhov's writings. Such a topic is also attractive to V. G. Rasputin, a writer in the 20<sup>th</sup> Century. Similar to Chekhov, some significant concepts of self-consciousness could be found in Rasputin's writings. The typical features of Rasputin's writings exist in realizing the "Epistemology" in daily life. Therefore V. G. Rasputin was reputed as "Siberian A. P. Chekhov."

In this paper, we would like to take Chekhov's "Steppe" (1888) and Rasputin's "You live and love" (1982) into comparison from the self-consciousness perspective under different historical time and different writers on talent.

In addition to the moral-philosophical issue, there exist some similarities between "Steppe" and "You live and love", including, 1) the Content: They were both "travel notes". Steppe describes a trip to city, and "You live and love" describes a trip to taiga; 2) the Protagonist: A 9-years boy Egorushka in "Steppe", and a 15-years teenager Sanya in "You live and love"; 3) "All is well" externally: For writers it is more important to show an internal life of protagonists; 4) The special approach to the image of the nature: Impressionistic parallelism between narrative and descriptive elements were both utilized; and 5) Psychoanalysis: The narration of personality, symbolical images, metaphorical comparisons and descriptions were both involved.

**Keywords:** A. P. Chekhov, V. G. Rasputin, Self-consciousness, Epistemology

---

\* Received: June 17, 2008; Accepted: October 8, 2008.

\*\* Assistant professor, Department of Russian, Tamkang University.

Процесс интуитивного постижения закономерностей бытия и существования личности – один из основных объектов изображения в творчестве А. П. Чехова. Писателя всегда интересовали не столько явления реального мира, сколько формирование представлений о них в человеческом сознании. Подобный гносеологический взгляд на действительность характерен и для творчества В. Г. Распутина (не случайно современники называли его «сибирским Чеховым»). В этом смысле сопоставление повести Чехова «Степь (История одной поездки)» (1888) и рассказа Распутина «Век живи – век люби» (1982), – произведений, написанных в разное историческое время и разными по дарованию писателями, – является правомерным и продуктивным.

Главный герой повести Чехова девятилетний Егорушка Князев едет на бричке из уездного города N вместе со своим дядей Иваном Ивановичем Кузьмичовым и настоятелем N-ской Николаевской церкви отцом Христофором поступать в гимназию: «Его мамаша, Ольга Ивановна, вдова коллежского секретаря и родная сестра Кузьмичова, любившая образованных людей и благородное общество, умолила своего брата, ехавшего продавать шерсть, взять с собою Егорушку и отдать его в гимназию; и теперь мальчик, не понимая, куда и зачем он едет, сидел на облучке рядом с Дениской, держался за его локоть, чтобы не свалиться, и подпрыгивал, как чайник на конфорке» (VII, 14)<sup>1</sup>. Описание степи, людей, которых встречает Егорушка по дороге в большой город, его мысли и чувства по поводу происходящих событий составляют сюжетную основу произведения.

---

<sup>1</sup> Все цитаты из повести Чехова в данной статье приводятся по изданию: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М., 1972-1984. В скобках после цитат указываются номер тома и страницы. При цитировании писем перед номером тома ставится буква П.

Пятнадцатилетний подросток Саня, главный герой рассказа Распутина «Век живи — век люби», в отличие от Егорушки, оправляется в двухдневный поход в тайгу по своей воле. Ему кажется, что он уже достаточно вырос для того, чтобы жить самостоятельно, и потому, оказавшись случайно без родителей и бабушки на Байкале, рад предложению местного жителя Митяя сходить за ягодами: «Иногда для важного решения не хватает пустяка; так произошло и на этот раз: как только Саня увидел, что такое самостоятельность, он словно бы встал на свое собственное, ему принадлежащее место, где ему предстояло сделаться самостоятельным, встал так уверенно и удобно, что никаких сомнений не могло быть, его ли это место, и решил: все, хватит. Хватит ходить по указке, поступать по подсказке, верить сказке <...> Конечно, он не собирался переходить границы, в этом не было необходимости, но границы собирался пораздвинуть» (I, 336)<sup>2</sup>.

Помимо сюжета, повесть Чехова и рассказ Распутина сближает нравственно-философская проблематика: оба мальчика, путешествуя, познают мир в его таинственной полноте, а через мир и самих себя.

Многое из того, что видит Егорушка во время поездки, кажется ему странным и вызывает вопросы. Природа — «Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелой несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно» (VII, 17). Дорога — «Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги; то была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажен. Своим простором она возбудила

<sup>2</sup> Все цитаты из рассказа Распутина в данной статье приводятся по изданию: Распутин В. Г. Избранные произведения: в 2-х т. М., 1984. В скобках после цитат указываются номер тома и страницы.

в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно» (VII, 48). Люди—«Егорушкой тоже, как и всеми, овладела скука. Он пошел к своему возу, взобрался на тюк и лег. Глядел он на небо и думал о счастливом Константине и его жене. Зачем люди женятся? К чему на этом свете женщины?» (VII, 78).

По мнению Р. -Л. Джексона, в «Степи» поставлена проблема русского пространства, излишнего и дезориентирующего<sup>3</sup>. Во многом оно основано на замечаниях самого Чехова, сделанных им в письмах Д. В. Григоровичу, и не лишено логики.

Еще в декабре 1887 года Д. В. Григорович посоветовал Чехову взять в качестве героя русского самоубийцу: «Будь я помоложе и сильнее дарованием, я бы непременно описал семью и в ней 17-летнего юношу, который забирается на чердак и там застреливается. Вся его обстановка, все доводы, которые могли довести его до самоубийства, гораздо важнее и глубже причин, заставивших Вертера наложить на себя руки. Такой сюжет включает в себе вопрос дня; возьмите его, не упускайте случая коснуться наболевшей общественной раны; успех громадный ждет Вас с первого же дня появления такой книги»<sup>4</sup>.

В письме от 12 января 1888 года Чехов ответил Григоровичу, что предложенная им тема «очень благодарная и заманчивая», но современным талантам она не по зубам: «Дайте Вы им Вашего мальчика, и я уверен, что X, сам того не сознавая, от чистого сердца наклеветет, налжет и скошунствует, Y подпустит мелкую, бледную тенденцию, Z объяснит самоубийство психозом. Ваш мальчик — натура чистенькая, милая, ищущая бога, любящая, чуткая сердцем и

---

<sup>3</sup> См.: Джексон Р.-Л. *Время и путешествие: метафора всех времен* // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М., 1993, С. 8-17.

<sup>4</sup> Переписка А. П. Чехова: в 3-х т. Т. 1. М., 1996, С. 300.

глубоко оскорбленная. Чтобы овладеть таким лицом, надо самому уметь страдать, современные же певцы умеют только ныть и хныкать» (П. 2, 174). Выражая сомнение в том, что кому-нибудь из молодых писателей, в том числе и ему, удастся справиться с подобной темой, он замечает: «на измучивший всех вопрос нужен и мучительно сильный ответ» (П. 2, 174).

Тем не менее 5 февраля 1888 года Чехов сообщает Григоровичу, что закончил повесть «Степь», в которой сделал слабую попытку воспользоваться сюжетом о самоубийстве 17-летнего мальчика: «В своей «Степи» через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер или в Москву, кончит непременно плохим» (П. 2, 190). Далее он замечает: «Не знаю, понял ли я Вас? Самоубийство Вашего русского юноши, по моему мнению, есть явление, Европе незнакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. ... Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня. В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться... Вот что я думаю о русских самоубийцах...» (П. 2, 190).

Действительно, бескрайняя равнина, по которой «едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается», с «бесконечными, оцепеневшими от тоски» холмами, «поблекшей травой» и глубокое небо, «равнодушное к жизни

человека», навевают на путника невеселые мысли об одиночестве и бессмысленности жизни (VII, 16-17, 65). Егорушке, вырванному из привычного детского мирка, простого и понятного, страшно и потому он плачет — в начале пути, когда уезжает из N-ска: «За заводами кончался город и начиналось поле. Егорушка в последний раз оглянулся на город, припал лицом к локтю Дениски и горько заплакал...»; и в конце, при расставании с дядей: «Сквозь слезы, застилавшие глаза, Егорушка не видел, как вышли дядя и о. Христофор. Он бросился к окну, но во дворе их уже не было, и от ворот с выражением исполненного долга бежала назад только что лаявшая рыжая собака. Егорушка, сам не зная зачем, рванулся с места и полетел из комнат. Когда он выбежал за ворота, Иван Иванович и о. Христофор, помахивая — первый палкой с крючком, второй посохом, поворачивали уже за угол. Егорушка почувствовал, что с этими людьми для него исчезло навсегда, как дым, все то, что до сих пор было пережито; он опустился в изнеможении на лавочку и горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь, которая теперь начиналась для него...» (VII, 15; 104)<sup>5</sup>.

Саня также удивляется многому из того, что видит во время похода. Правда, в отличие от Егорушки, «открытия» его не пугают, а служат толчком для размышлений о закономерностях бытия и сущности человека. Одно из таких «открытий» — странная перемена, произошедшая с Митяем накануне поездки. Вечером Митяй приходит к Сане занять денег и выглядит растерянным и расстроенным. Саня вспоминает о настороженном отношении к нему мамы и

---

<sup>5</sup> Похожая сцена есть в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского», главный герой которого — маленький мальчик, приехавший в районный центр на учебу и живущий у чужих людей: «Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел; мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с ревом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и ее, — я ничего не понимал» (I, 292).

бабушки: «Митяй когда-то «сидел», кроме того, он «пил» — были, были у него особого рода меты, которые отпугивают благочинных людей», — и ему становится его жалко (I, 341). Однако на следующий день Митяй становится совершенно другим — «ладным» и уверенным в себе; если дома его считают «выбившимся из круга», то в тайге он кажется абсолютно «своим»: «Довольный первой удачей, Митяй весело посматривал в окно на толкотню, подергиваясь и порываясь в особенно интересные моменты что-то крикнуть и все-таки удерживаясь. И опять Саня подивился той перемене, которая произошла с ним со вчерашнего дня, будто и не Митяй с ним был, а его двойник, всегда веселый и беззаботный. Впрочем, Саня еще раньше начал подозревать, что у каждого человека должен существовать где-то в мире двойник, чтобы по результатам двух одинаковых по виду и противоположных по своей сути людей кто-то единый мог решать, что ему делать дальше» (I, 344). Удивляет Саню и вид сошедших с поезда людей с горбовиками, напомнив ему картину вступления в Царство мертвых: «Видно было, когда поезд тронулся, как вышедшие длинной очередью, выстроившись друг за другом, уходили в распадок мимо покинутых домов, сквозящих в окнах пустотой и холодом. Отсюда, из окна вагона, картина эта поразила Саню. День поднимался пасмурный, серый, тайга еще не согрелась от света, и люди, удаляющиеся в темный распадок мимо нежилых домов, как мимо чужих гробов, казались уходящими туда в поисках своего собственного вечного пристанища и несущими в этих странных посудинах итоги своей жизни» (I, 347). Он вспоминает фразу, вычитанную в книге отцом, — «смертный ужас рождения», — которая когда-то поразила его, а потом послужила поводом для раздумий о значении и сути человеческой памяти: «Не может быть, — не однажды размышлял Саня, — чтобы человек вступал в каждый свой новый день вслепую, не зная, что с ним произойдет, и проживая его лишь по решению своей собственной воли, каждую минуту выбирающей, что делать и куда пойти. Не



похоже это на человека. Не существует ли в нем вся жизнь от начала и до конца изначально и не существует ли в нем память, которая и помогает ему вспомнить, что делать? Быть может, одни этой памятью пользуются, а другие нет или идут наперекор ей, но всякая жизнь — это воспоминание вложенного в человека от рождения пути» (I, 354).

Как и в повести Чехова, большую роль в рассказе Распутина играет природа, причем Саня, удивляясь ее величю и красоте, чувствует одновременно свою глубокую причастность к ней и к тем силам, которые ею управляют: «...Саня сидел у лесины, где пили чай, на камне и, расслабившись, безвольно и дремотно, смотря и не видя, слушая и не слыша, открылся для всего, для всего, что было вокруг: для широкой заболоченной низины за речкой, сплошь заросшей голубичником и размеченной корявыми березками; для низкого неба, начинающего постепенно натекать какой-то мутной плотью; для приглушенных и зыбких звуков, доносящихся, как неверное эхо, из глубины переполненного тишиной мира. И все это вливалось, входило, вносилось нароком и ненароком в забывшегося в сладкой истоме парня, все это искало в нем объединяюще-продолжительного, в иную, не человеческую, меру участия и правильного расположения...» (I, 355-56). Кульминацией этого процесса становятся ночные переживания: «Это была первая Санина ночь в тайге — и какая ночь! — точно взявшаяся показать ему один из своих могучих пределов. Тьма упала — хоть ножом режь, в ней не видно было ни неба за кругом костра, ни сторон, сплошным шумом шумел там дождь <...> Саня замер, приготовившись, почему-то предчувствуя, что вот сейчас... И вдруг тьма единым широким вздохом вздохнула печально, чего-то добившись, затем вздохнула еще раз. Дважды на Саню дохнуло звучанием исполински-глубокой, затаенной тоски, и почудилось ему, что невольно он отшатнулся и подался вослед, словно что-то вошло в него и что-то из него вышло, но вошло и вышло, чтобы, поменявшись местами,

сообщаться затем без помехи» (I, 359-60). Наступивший вслед за ночью яркий, солнечный день открывает для Сани новое и в мире, «...о бесконечной, яростной благодати которого он даже не подозревал, а только предчувствовал, что она где-то и для кого-то может быть», и в себе самом — «И в себе, оказывается, многого не знал и не подозревал — этого, например, нечеловечески сильного и огромного чувства, пытающегося вместить в себя все сияние и все движение мира, всю его необъяснимую красоту и страсть, всю обманчиво сошедшуюся в одно зрение полноту» (I, 362-63).

Необычную ночь в степи переживает и Егорушка. Накануне вечером он и его попутчики чувствуют какую-то «неопределенную тоску»: «Было душно; все много пили и никак не могли утолить жажду. Луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная; звезды тоже хмурились, мгла была гуще, даль мутнее. Природа как будто что-то предчувствовала и томилась <...> Томился и Егорушка» (VII, 81). Измученный долгим путешествием, общением с чужими людьми, страхом перед неизвестностью и надвигающейся грозой Егорушка не выдерживает эмоционального напряжения и бросается с кулаками на своего «врага» — подводчика Дымова, которого он давно ненавидит за жестокость и грубость: «Страстно желая сказать что-нибудь в высшей степени обидное, он шагнул к Дымову и проговорил, задыхаясь:

– Ты хуже всех! Я тебя терпеть не могу!

После этого надо было бы бежать к обозу, а он никак не мог сдвинуться с места и продолжал:

– На том свете ты будешь гореть в аду! Я Ивану Иванычу пожелаю! Ты не смеешь обижать Емельяна!» (VII, 82).

Вид усмехающегося Дымова, который, разумеется, не придал никакого значения угрозам, еще больше его подзадорил: «Егорушка почувствовал, что

дышать уже нечем; он — никогда с ним этого не было раньше — вдруг затрясся всем телом, затопал ногами и закричал пронзительно:

– Бейте его! Бейте его!

Слезы брызнули у него из глаз; ему стало стыдно, и он, пошатываясь, побежал к обозу. Какое впечатление произвел его крик, он не видел. Лежа на тюке и плача, он дергал руками и ногами, и шептал:

– Мама! Мама!» (VII, 83).

Подобное происшествие случается и с героем рассказа Распутина, причем здесь оно становится ключевым. Собирая голубицу, как будто занимаясь «живым и чувственным рукодельем», Саня не знает, что в оцинкованном ведре ее хранить нельзя и, следовательно, по прибытии домой придется выбросить, а дядя Володя, заметивший ядовитую посудину с самого начала, намеренно молчит, чтобы, по его словам, это стало парню уроком на всю жизнь. И действительно, произошедшее выбивает Саню из русла привычного, «упорядоченного» существования, раз и навсегда оставив в его сознании метку: в мире, кроме красоты и гармонии, есть зло, а природа человека несовершенна. Эта мысль становится для него тем более очевидной, что, спустя некоторое время, злые чувства он обнаруживает и в себе самом: «Сане снились в эту ночь голоса. Ничего не происходило, но на разные лады в темноту и пустоту звучали в нем разные голоса. И все они шли из него, были частью его растревоженной плоти и мысли, все они повторяли то, что в растерянности, в тревоге или в гневе мог бы сказать он. Он узнавал и то, что мог бы сказать через много-много лет. И только один голос произнес такое, такие грязные и грубые слова и таким привычно-уверенным тоном, чего в нем не было и никогда не могло быть. Он проснулся в ужасе: что это? кто это? откуда в нем это взялось?» (I, 368).

Обращаясь к теме интуитивного постижения ребенком закономерностей бытия и существования личности, Чехов и Распутин используют одинаковые художественные приемы. Прежде всего, это параллелизм между повествовательными и описательными элементами — природные явления в обоих произведениях сопровождают и поясняют изменения в психологическом состоянии героев. Тоска, которую чувствует Егорушка, прощаясь с прошлой жизнью, разлита по степи: «Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...» (VII, 16-17). Загадочность человеческой души, совмещающей в себе любовь и ненависть, доброту и жестокость, свойственна, по мнению Распутина, и природе: «Саня не верил глазам своим: только что шли по живому, как всегда, на перевале аккуратному, весело и чисто стоящему лесу и вдруг... Отсюда, где они остановились, и докуда-то дотуда впереди, где это кончалось, огромной и неизвестно сколько длинной полосой вправо и влево все было снесено какой-то адской, чудовищной силой. Деревья, наваленные друг на друга, высоко вверх задирали вывороченные вместе с землей гнезда корней, топорщились сучьями с не облетевшей еще желтой хвоей, валялись обломками, треснувшими вдоль и поперек» (I, 351).

Большую роль в повести Чехова и в рассказе Распутина играет доверительная, исповедальная манера повествования, которая часто достигается за счет слияния голосов автора и героя: «Когда долго, не отрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и все то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены. Звезды,

глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной» (Чехов, VII, 66-67); «Мягкие сумерки – верный признак того, что сегодняшний день по звонкой и чистой мощи своей не повторится ни завтра, ни послезавтра, долго-долго. Земные праздники мы знаем – то был праздник неба, который оно, небо, не может справлять только в своих просторах, то было щедрое пограничье между двумя пределами. И вот он кончился, и вот оно минуло» (Распутин, I, 364-65).

Сближают произведения Чехова и Распутина также символические образы, метафорические сравнения и описания: «А вот на холме показывается одинокий тополь; кто его посадил и зачем он здесь – бог его знает. От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутного, сердито воющего ветра, а главное – всю жизнь один, один...» (Чехов, VII, 17); «За тоннелями в опасных местах тянулись оградительные от камнепада стенки, ровно и аккуратно, будто вчера только выложенные; на одной из них торчал огромный, как танк, валун. Невозможно было представить, как удалось ему запрыгнуть на стенку и удержаться на ней, будто это и имел он целью: встать, словно памятник на постаменте, в виду исполинской скалы в подтверждение того, что стена здесь стоит не напрасно» (Распутин, I, 348).

Степь у Чехова и тайга у Распутина становятся символом жизненного пространства: «Между тем, перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги

до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...» (Чехов, VII, 16). «Среди огромных валунов, заросших брусничником, важно и родовито, не имея нужды тянуться вверх, стояли — не стояли, а парили в воздухе — могучие, раскидистые сосны, как и должно им быть царственными и могучими в виду многих и многих немереных километров вольной земли. Здесь был предел, трон — дальше и внизу, волнисто вздымаясь к дымчатому горизонту и переливаясь то более светлыми, то более темными пятнами, словно бы соскальзывая и упираясь, широким распахом стояла в таинственном понимании державная поклонная тайга» (Распутин, I, 353).

И все же, несмотря на общность темы и сходство стилистической манеры, произведения Чехова и Распутина находятся в разных художественных плоскостях. Чехов, рассказывая историю Егорушки (в то время он считался еще начинающим писателем), стремится, в первую очередь, показать, «какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику» (П. II, 173). Авторский замысел Распутина более «конкретен» — оставить потомкам завет, суть которого сформулирована в заглавии: любовь есть основа отношений в обществе и природе. Именно поэтому он обращается к жанру рассказа, сюжет которого чаще всего бывает основан на одном событии из жизни героя, а не к жанру повести, который предполагает рассмотрение целого эпизода, а также включает в повествование рассуждения на свою любимую экологическую тему, используя элементы публицистического стиля.

### Литература

- Айхенвальд Ю. И. *Чехов* // Чехов А. П.: Pro et contra (Творчество А. П.Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в.). СПб., 2002.
- Балухатый С. Д. *Вокруг «Степи»* // А. П. Чехов и наш край. Ростов-на-Дону, 1935.
- Джексон Р. -Л. *Время и путешествие: метафора всех времен* // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М., 1993.
- Катаев В. Б. *Проза Чехова: проблемы интерпретации*. М., 1979.
- Переписка А. П.Чехова*: в 3-х т. М., 1996.
- Протопопов М. А. *Жертва безвременья* // Чехов А. П.: Pro et contra (Творчество А.П.Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в.). СПб., 2002.
- Распутин В. Г. *Это становится традицией (Беседа с писателем)* // Вестник МГУ. Сер. 9, филология. № 3. 1977.
- Распутин В. Г. *Прежде всего воспитание чувств (Беседа с писателем)* // Литературная газета. 1980, 26 марта.
- Распутин В. Г. *Право писать (Беседа с писателем)* // Радуга. № 2.
- Распутин В. Г. *Живу и верю (Беседа с писателем)* // Комсомольская правда. 1982, 8 августа.